

весьма поверхностно. Еще дальше от решения — вопрос о заимствованиях в отдельных славянских языках. Перед исследователем венгерского словарного состава встают три серьезные проблемы: немецкие (древние верхне-немецкие, средние верхне-немецкие, древние нижне-немецкие, средние нижне-немецкие и т. п.), итальянские и тюркские заимствования славянских языков. Особенно прискорбно то, что немецкие элементы в окружающих славянских языках не обработаны, да и научная обработка тюркских элементов отсутствует. Автор старался заполнить этот пробел, выясняя, при помощи фонетических, хронологических и культурно-исторических аргументов, происходит ли, например, данное слово непосредственно из немецкого или тюркского, или же не исключена возможность славянского посредничества. В других случаях автор стремился доказать вероятность славянского посредничества. К сожалению, в значительной степени затрудняла его работу неразработанность исторической лексикологии и в славянских языках. Большинство языков совсем не обладает историческим словарем, а существующие исторические словари неполны»¹⁹.

Акад. Книежа отличается в своих суждениях крайней осторожностью и склонен многие венгерские слова, которые предыдущие исследователи считали славянскими, отнести в разряд сомнительных и даже неславянских.

Особое внимание в своих исследованиях акад. Книежа посвятил северным соседям — словакам, из всех славянских народов наиболее связанным исторически с венграми. Он изучал проблему словацких восточных диалектов в связи с польским влиянием (Краков, 1935), написал статьи о словацкой фонетике и лексике в журнале «*Etudes slaves et roumaines*», который он редактировал в 1948—1949 гг.²⁰. Его интересовала также проблема взаимоотношений славянских первоучителей и словаков. Он считает, что словаки остались вне какого-либо влияния кирилло-мефодиевских традиций²¹. Очень интересно его объяснение православных влияний в глаголическом памятнике чешского народа «Пражский фрагмент». Книежа предполагает, что чешские монахи из монастыря Сазава, бежавшие от преследований немецких епископов в Венгрию и принятые венгерским королем Андреем I (1046—1060), женатым на дочери великого князя Киевского, нашли убежище в г. Вышеграде (венгерском), где жили русские монахи, прибывшие туда по приглашению того же короля — русского воспитанника, зятя Владимира I. Таким образом, вероятно, что старая глаголическая рукопись чешского извода ведет свое начало из венгерского монастыря от русских монахов. Возможно, что из Вышеграда при посредстве русских монахов перешло дальше на запад, во Францию, и знаменитое Реймское евангелие. «Это объясняет также, — пишет акад. Книежа, — и проникновение чешских легенд о св. Вячеславе и Людмиле в Россию».

Кроме основной до сих пор в венгерской лингвистике проблемы влияний, акад. Книежа занимался также этимологией полабских слов²², венгерскими элементами в польском языке, венгерским правописанием, в связи с орфографической реформой Яна Гуса²³. Кроме того, ему принадлежит ряд ценных работ в области венгерско-румынских лингвистических отношений. В 1952 г. он дал вместе с молодым ученым П. Кирай

¹⁹ «*A magyar nyelv szláv jövevényszavai*», I, 2. Bp., 1955, стр. 1038.

²⁰ «*Z historycznych zagadnic dialektu wschodnioslowackiego*». Kraków, 1935, «*Notes sur l'histoire des consonnes palatales du slovaque*»; «*Zur Geschichte der Jugoslavismen im Mittelslowakischen*». «*Etudes slaves et roumaines*». Bdp., 1948, т. I.

²¹ «*Die Slawenapostel und die Slowaken*». Bp., 1942 («*A szláv apostolok és a tótok*»).

²² «*Przyczynki do Słownika Połabskiego*». Poznań, 1933.

²³ «*A magyar helyesírás története*» («История венгерского правописания»). Bp., 1952; «*Helyesírásunk története a könyvnyomtatás koráig*» («История правописания до эпохи книгопечатания»). Bp., 1952.